

С ИМЕНЕМ и творчеством Александра Блока связаны многие места северных окраин Петербурга и взморья Финского залива.

К. И. Чуковский в своих воспоминаниях пишет: «Я часто встречал Александра Александровича там, в Сестрорецке, а чаще всего в Озерках и в Шувалове, которые он увековечил в своей «Незнакомке» и в замечательном стихотворении «Над озером».

Я хорошо помню ту дачную местность под Питером, которая изображена в «Незнакомке». Помню шлагбаумы Финляндской железной дороги, за которыми шла болотная топь, прорытая прямыми каналами:

И каждый вечер,
за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляю с дамами,
Испытанные остряки.

Помню ту нарядную булочную, над которой, по тогдашней традиции, красовался в дополнение к вывеске большой позолоченный крендель, видный из вагонного окна:

Вдали, над пылью
переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель
булочной,
И раздается детский плач».

Нельзя не согласиться с Чуковским в том, что «со многими стихотворениями Блока... связано столько конкретных, жанровых, бытовых, реалистических образов, что эти стихотворения, представляющиеся многим туманно-загадочными, кажутся... зачастую... точным воспроизведением действительности».

Блоку принадлежит и поэтическая картина зимнего пейзажа на побережье Финского залива в стихотворении «Милый брат! Завечерело». (1906 г.):

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленет огонек.
Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве
новом,
Словно — в новых временах.
Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...
Издали — локомотива,
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.
Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

Замените локомотив электричкой, и пейзаж будет таким же, как сегодня.

Сестрорецку, курорту и его окраинам посвящены стихи поэта «В Северном море» и «В Дюнах». К. И. Чуковский вспоминает:

«Читая его пятистопные белые ямбы о Северном море, которые по своей четкой классической образности единственные в нашей поэзии могут сравниться с пушкинскими, я вспоминаю тогдашний Сестрорецкий курорт с большим рестораном у самого берега и ту пузатую, допотопную моторную лодку, которую сдавал напрокат какой-то полуголый татуированный грек и в которую уселись, пройдя по дощатым мостикам, писатель Георгий Чулков, Зиновий Гржебин (художник, впоследствии издатель «Шилловника») и неотразимо, неправдоподобно красивый, в широкополой артистической шляпе, загорелый и стройный Блок.

В тот вечер он казался (на по-

многослойны и многоплановы. И второй план — эмоций и переживаний — может быть обозначен лишь намеком, как в стихотворении: «Милый брат! Завечерело», но может приобрести самостоятельное значение, как в стихотворении «В Дюнах»:

Моя душа проста. Соленый
ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — все те же
знаки,
Что на моем обветренном
лице.

И я прекрасен —
нищей красоте
Зыбучих дюн и северных
морей.

Так думал я, блуждая
по границе
Финляндии, вникая в темный
говор
Небритых и зеленоглазых
финнов.

З Д Е С Ъ Т В О Р И Л Д. В Л О К

верхностный взгляд) таким победоносно счастливым, в такой гармонии со всем окружающим, что меня и сейчас удивляют те гневные строки, которые написаны им под впечатлением этой поездки.

Что сделали из берега
морского

Гуляющие модницы и франты!
Наставили столов, дымят,
жуют,

Пьют лимонад.
Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями...

Я вспоминаю изображенный в тех же стихах длинный, протянутый в море, изогнутый мол, на котором действительно были нацарапаны всевозможные надписи, в том числе и те, что воспроизводятся в блоковском «Северном море».

(... «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей»,
«Диодор
Иеромонах и послушник
Исидор.
Здесь были. Дивны божи
дела»...

(Сопоставлением надписей поэт достигает эффекта количности: служители церкви на одном уровне с Колей и Катей — С. Б).

Стихотворения Блока всегда

Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая
страна —
И русский бесприютный
храм глядел
В чужую незнакому страну.

Насколько просты и понятны сейчас первые шесть строк этого отрывка, настолько остальные требуют исторического комментария.

Там, где в 1918—1939 г. проходила государственная граница между Финляндией и СССР, с 1809 до 1917 г. проходила лишь таможенная граница между автономным Великим княжеством Финляндским и остальной частью Российской империи. Пересечение этой границы было связано лишь с правилами относительно провозимых вещей и продуктов.

Стихотворение «В Дюнах» помещено 1907 годом, но уже через несколько лет у Блока возникает интерес к финской культуре, и он переводит стихотворение Рунеберга «Наш край» (государственный гимн теперешней Финляндии) и, что не менее важно, как отметил Георгий Кублицкий, стихотворение Топелиуса «Рабочая песня».

В окрестностях Сестрорецка

Блок бывает и позднее. 9 апреля 1911 года он записывает: «Шестого — после целого дня скитаний (Курорт — Белоостров, жандармы, поезд, разводящий ежедневно пары в лучах заката, оскорбление бедного рабочего) — ужас». Контрасты Сестрорецка не только не укрывались от взгляда поэта, но и остро чувствовались им. «Сижу на вокзале и пью кофе с толстыми, — фиксирует он еще в одной записке о поездке.

Бывает поэт также и в Терийоках (Зеленогорск) и в Куоккала (Репино). На подмостках местных театров выступает его жена — Любовь Дмитриевна. (в 1912 г. в Терийоках, в 1914 — в Куоккала). Театром в Терийоках руководит В. Э. Мейерхольд. Блок поначалу заинтересован новым делом, но вскоре быстро к нему охладевает: «Состав вашей труппы таков, — пишет она жене, — что интермедии и карнавалы, в конце концов займут первое место, а остальное если и останется, то затертое и загнанное».

И когда поэт Кузмин и художник Сапунов зовут по телефону Блока поехать в Терийоки посмотреть постановку «Карнавала», он отказывается. А на следующий день узнает, что Сапунов, с которым он часто виделся последнее время, утонул в заливе, переходя из лодки в лодку. «Плавая он не умел, как и Блок», — замечает биограф поэта, А. Турков.

Вместе с женой они на следующий день едут в Терийоки, и проходя по берегу залива, «где лежит тело Сапунова», поэт отдает последний долг своему знакомому, талантливому художнику, которого он еще недавно в разговоре с артистом Мгебровым назвал «счастливым человеком».

В годы гражданской войны летом Блок совершает прогулку попеременно то в Стрельню, то в Ольгино и Лахту. Так, 21 июня 1919 года он записывает: «Лахта. Три купанья. Жара. Я красно-коричневый». Во время одной из таких прогулок, в Стрельне, поэт видит, как отстреливается Кронштадт. Его записные книжки фиксируют и другие события гражданской войны: и взрыв форта Ино (Приветненское) отступающими красными, руководимыми С. П. Восковым, и начало белого террора в Финляндии.

КАНУЛИ в прошлое те времена, которые описаны великим поэтом. Но стоит лишь взять в руки том стихов А. Блока и прошлое оживает перед нами. Прошлое, которое мы должны знать...

С. БЕРНАДСКИЙ